Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2026. № 9 (261). С. 35–43.
Problems of economics and management of oil and gas complex. 2026;(9(261)):35–43.
Научная статья
УДК 338.45:622.276
5.2.5. Мировая экономика

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ СПГ: СУММА КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В "ЭНЕРГОСТРАТЕГИИ 2050" ИЛИ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД? (Часть 1)

А.А. Конопляник
Научный совет по системным исследованиям в энергетике РАН, *Москва, Россия*
Институт энергетических исследований РАН (ИНЭИ РАН), *Москва, Россия*
andrey@konoplyanik.ru

Аннотация. В первой части статьи анализируется СПГ-раздел "Энергостратегии России-2050" и автор приходит к выводу, что сегодняшняя картина экспорта российского крупнотоннажного СПГ (ктСПГ) отражает сумму корпоративных интересов отдельных компаний, реализующих эти проекты. Альтернативой этому может быть государственный кластерный подход в рамках сформированного глобального высококонкурентного рынка СПГ, конкуренция на котором только усилится, несмотря на вызванные войной в Персидском заливе разрушения инфраструктуры СПГ Катара (действующих и строящихся новых заводов СПГ в Рас-Лаффане) – второго крупнейшего поставщика на мировом рынке СПГ. Временно утраченные рынком СПГ действующие и новые мощности "отодвинули вправо" время, но не сам факт формирования избытка предложения на рынке СПГ. Поэтому задача обеспечения конкурентоспособности российских проектов СПГ, расположенных на периферии энергетической карты мира (вдали от основных центров потребления), по мнению автора, не только не утратила своей актуальности, но с учетом геополитических изменений приобрела дополнительную остроту.

Автор критически оценивает и предлагает скорректировать текущую, заявленную в Энергостратегии-2050 программу наращивания экспортного потенциала ктСПГ, построенную де-факто на арифметическом суммировании заявленных отдельными компаниями мощностей, каждая из которых "пробивает" под них индивидуальные льготы, используя свои административные возможности. Что приводит в рассмотренных автором случаях к конфликту корпоративных и общегосударственных интересов и к ущемлению последних.

Кратко объясняя политэкономию ресурсных отраслей через отношения "Агент–Принципал", автор выделяет два типа конфликтов компании-недропользователя: (а) с государством как с собственником ресурсов недр (конфликт "Агент–Принципал"), (б) корпоративный конфликт с другими недропользователями (конфликты "Агент–Агент").

Автор подвергает критическому осмыслению формулировку целевой установки по объему производства ктСПГ на 2030 г., поскольку напрашивается вывод, что она нацелена на обеспечение загрузки Севморпути. Но может ли задача обеспечения транспортной работы какого-либо транспортного маршрута являться целеполаганием для определения масштабов освоения невозобновляемых энергоресурсов страны? По мнению автора, логика должна быть обратной.

В статье предлагается к рассмотрению, анализу и технико-экономической (а в нынешних условиях и военно-политической) оценке создание отсутствующего в Энергостратегии-2050 совместного российско-иранского кластера ктСПГ. Его предлагается создать на юге Ирана, на берегу Оманского залива, за выходом из Ормузского пролива в Индийский (а значит и с беспрепятственным выходом в Мировой) океан. Его местоположение "в центре энергетического мира" с равнодоступностью к рынкам Атлантического бассейна и Азиатско-Тихоокеанского региона, не говоря уже о рынках Индийского океана, создавало бы ему огромные конкурентные преимущества по транспортной логистике без ограничений по дедвейту танкеров-метановозов.

Во второй части статьи автор проанализирует и предложит возможные пути решения проблемы несбалансированности корпоративных и общегосударственных интересов при освоении газовых ресурсов, монетизируемых через экспортные проекты СПГ, на примере Мурманско-Балтийского и Сахалинского кластеров СПГ.

***Ключевые слова*:** Энергостратегия-2050, крупнотоннажный СПГ, "сдвиг вправо" избытка предложения на мировом рынке СПГ, конкурентоспособность российского СПГ, СПГ и Севморпуть, политэкономия ресурсных отраслей "Агент–Принципал", конфликты интересов "Агент–Принципал" и "Агент–Агент", Мурманско-Балтийский кластер СПГ, Сахалинский кластер СПГ, российско-иранский кластер СПГ

Статья подготовлена на основе выступления автора на конференции "Мировой энергетический переход – фаза консолидации", Москва, ИМЭМО РАН, 16.12.2025

***Для цитирования*:** Конопляник А.А. Российский экспорт СПГ: сумма корпоративных интересов в "Энергостратегии 2050" или общегосударственный кластерный подход? (Часть 1) // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2026. – № 9(261). – С. 35–43.

© Конопляник А.А., 2026

Original article

RUSSIAN LNG EXPORTS: THE SUM OF CORPORATE INTERESTS IN THE "ENERGY STRATEGY 2050" OR A NATIONWIDE CLUSTER APPROACH? (Part 1)

A.A. Konoplyanik
Scientific Council on System Research in Energy, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russia*
Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences (ERI RAS), *Moscow, Russia*
andrey@konoplyanik.ru

Abstract. The first part of the article is devoted to the author's analysis of the LNG section of Russian 2050 Energy Strategy which makes him come to the conclusion that the current picture of Russian large-scale LNG exports reflects the sum of individual companies corporate interests implementing these projects. An alternative may be a state-run cluster approach within the framework of the well-established and highly competitive global LNG market, competition in which will only intensify, despite the destruction of Qatar's LNG infrastructure (existing and being built LNG plants in Ras Laffan), caused by the Gulf War - the second largest supplier in the global LNG market. The existing and new capacities temporarily lost by the LNG market have "moved to the right" the time, but not the fact of the formation of an oversupply in the LNG market. Therefore, the task of ensuring the competitiveness of Russian LNG projects located on the periphery of the world's energy map (far from the main centers of consumption), according to the author's opinion, has not only non-lost its relevance, but, taking into account geopolitical changes, has acquired additional urgency.

The author critically evaluates and proposes to adjust the current program for increasing the large-scale LNG export potential, announced in the 2050 Energy Strategy, built de facto on the arithmetic summation of the capacities declared by individual companies, each of which "punches" individual benefits for them using its administrative capabilities. In the author's opinion, based on the facts derived from the cases considered by him, all this provoke a conflict between corporate and national interests and infringement of the latter ones.

The author, briefly explaining the political economy of resource industries through the "Agent–Principal" relationship, identifies two types of conflicts between a subsurface user company: (a) and the state as the owner of subsurface resources ("Agent–Principal" conflict), (b) corporate conflict with other subsurface users ("Agent–Agent" conflicts).

The author critically examines the formulation of the target large-scale LNG production for 2030, since it suggests that it is aimed at ensuring the loading of the North Sea Route. But could the task of ensuring transport operation of any transport route be a goal setting for determining the scale of development of the country's non-renewable energy resources? According to the author, the logic should be reversed.

The creation of a joint Russian-Iranian large-scale LNG cluster, which is not envisaged by the Russian 2050 Energy Strategy, for consideration, analysis and technical-economic (and, in the current conditions, military and political) assessment is suggested by the author. It is proposed to be created in the south of Iran, on the shores of the Gulf of Oman, beyond the Strait of Hormuz into the Indian Ocean (it means unhindered access to the World Ocean). Its location "in the center of the energy world" with equal access to the markets of the Atlantic basin and the Asia-Pacific region, not mentioning the Indian Ocean markets, would create huge competitive advantages for transportation logistics without restrictions on the deadweight of LNG-carriers.

In the second part of the article the author analyzes and suggests possible solutions of the problem of corporate and national interests imbalance in the development of gas resources monetized through LNG export projects, using the example of the Murmansk-Baltic and Sakhalin LNG clusters.

***Keywords*:** Energy Strategy 2050, large-scale LNG, "shift to the right" of oversupply in the global LNG market, competitiveness of Russian LNG, LNG and the Northern Sea Route, political economy of the "Agent–Principal" resource industries, "Agent–Principal" and "Agent–Agent" conflicts of interests, Murmansk-Baltic LNG cluster, Sakhalin LNG cluster, Russian-Iranian LNG cluster

The article is based on the author's speech at the "Global Energy Transition – Consolidation phase" conference, Moscow, IMEMO RAS, 12.16.2025

***For citation**:* Konoplyanik A.A. Russian LNG exports: the sum of corporate interests in the "Energy strategy 2050" or a nationwide cluster approach? (Part 1) // Problems of economics and management of oil and gas complex. 2026;(9(261)):35–43.

В опубликованной в апреле 2025 г. "Энергетической стратегии России на период до 2050 г." отмечаются множественные внешние и внутренние вызовы, стоящие перед российским энергетическим комплексом и его отдельными отраслями, а также межотраслевые внутренние вызовы, и приводится перечень ряда реализованных мероприятий для минимизации рисков указанных вызовов [1]. Так, в качестве одного из внешних рисков отмечается "рост конкуренции экспортеров на мировом рынке углеводородов", а одним из внутренних вызовов – "потребность в развитии инфраструктуры для переориентации потоков [энергоресурсов – А.К.] на рынки дружественных стран и оптимизации издержек". Среди межотраслевых внутренних вызовов указаны "трансформация бизнес-процессов для повышения конкурентоспособности отраслей топливно-энергетического комплекса" (ТЭК) и "потребность в развитии межотраслевой кооперации между организациями ТЭК и организациями, осуществляющими деятельность в смежных отраслях экономики".

Указано, что среди мероприятий, реализованных в 2019–2023 гг., для минимизации рисков внешних и внутренних вызовов, "продолжается реализация проектов по производству, хранению и транспортировке сжиженного природного газа" (СПГ), и что "осуществляется активное переориентирование экспорта … с европейского на азиатское направление". Таким образом, развитие российской отрасли СПГ указано в Энергостратегии в качестве одного из инструментов реагирования на стоящие перед российским ТЭКом вызовы.

Однако, во-первых, автору довольно сложно согласиться именно с такой, возможно, неосознанно "зауженной" постановкой вопроса о "подчиненной" роли СПГ-отрасли, из которой невольно следует, что не было бы перечисленных в Стратегии внешних и внутренних вызовов, не было бы необходимости развивать СПГ-отрасль во всем ее разнообразии крупно-, средне- и малотоннажных проектов для дополнения существующей и далее развивающейся газотранспортной инфраструктуры поставок сетевого газа отечественным и зарубежным потребителям. В частности, на те рынки и в те отечественные и зарубежные районы/регионы, куда дотянуться сетевым газом мешает география либо физическая (горы–океаны), либо экономическая (дальность транспортировки при низкой плотности конечных потребителей).

Но ведь отрасль СПГ начала развиваться как естественное дополнение к отрасли сетевого газа, поначалу как транспортное решение там и тогда, где это решение оказалось единственно возможным для "замыкания" конкретной производственно-сбытовой газовой цепочки. А уже затем эта отрасль прошла последовательно все стадии рыночной динамики и на сегодняшний день, утверждает автор, сформирован мировой рынок СПГ как неотъемлемая составная часть глобальной системы газоснабжения. Более того, именно рынок СПГ стал фактически "замковым камнем" в образовании мировой системы энергоснабжения и мирового рынка энергоресурсов, в первую очередь – мирового рынка "бумажной энергии".

Во-вторых, внутри самой СПГ-отрасли присутствуют многие из обозначенных в Энергостратегии рисков.

В-третьих, отрасль СПГ является все еще новой для нашей страны (первый проект крупнотоннажного СПГ (ктСПГ) в России заработал в рамках проекта "Сахалин-2" в 2009 г.), она находится в фазе своего становления, проходит свою "кривую обучения". В частности, некоторые существенные риски и вызовы, связанные с начальным этапом развития отрасли, когда это развитие идет "методом проб и ошибок" и инициатива реализации новых проектов во многом отдана "на откуп" самим компаниям, оказались вне поля зрения авторов Энергостратегии.

Но есть риски и вызовы, о которых не принято писать в Энергетических или каких-либо иных стратегиях, да и вообще в каких-либо установочных государственных документах. Их отсутствие в таких документах не означает, что эти риски и вызовы отсутствуют в реальной жизни или что их величина незначительна и ею можно пренебречь. Отнюдь, эти риски и вызовы являются системными и весьма значимыми. Более того, зачастую именно они являются определяющими для дальнейшего пути развития того или иного сектора экономики или самой экономики в целом.

Одна из таких групп рисков – это несбалансированность внутрикорпоративных и общегосударственных интересов. Применительно к сфере нашего текущего внимания – при освоении газовых ресурсов, монетизируемых через экспортные проекты СПГ. Именно этой проблеме (как частному отраслевому конфликту интересов, который, однако, может иметь проявления и в других отраслях российского ТЭК и за его пределами) посвящена данная работа.

Сегодняшняя картина экспорта российского ктСПГ отражает (представляет), по мнению автора, сумму корпоративных интересов отдельных, реализующих эти проекты компаний. Альтернативой может быть государственный кластерный подход в рамках сформированного глобального высококонкурентного рынка СПГ, конкуренция на котором только усилится, как справедливо отмечено в Энергостратегии [1, с. 21].

Точнее, должна была усилиться уже в ближайшее время – год-два. Но начатая 28.02.2026 война в Персидском заливе внесла коррективы в эти сроки. В результате ракетного удара по крупнейшему в мире заводу СПГ в Рас-Лаффане в Катаре разрушены 2 технологические линии общей мощностью 13 млн т/год. Это 17 % действующих мощностей СПГ Катара, на восстановление которых, по заявлению руководителя Qatar Energy и министра энергетики Катара Саада аль-Кааби на следующий день после ракетного удара, потребуется от трех до пяти лет [2]. Это хорошо соотносится с оценкой Rystad Energy, что поставщики газовых турбин большой мощности в начале 2026 г. были полностью законтрактованы на 2–4 года вперед [3]. Завод в Рас-Лаффане остановлен, Катар объявил форс-мажор по поставкам СПГ. Плюс отложен ввод новых мощностей – еще шести технологических линий совокупной мощностью 48 млн т в год, запуск которых должен был состояться в Катаре в этом и в следующем году [4]. Эти временно утраченные рынком СПГ действующие и новые мощности "отодвинули вправо" время, но не сам факт формирования избытка предложения на рынке СПГ. Поэтому задача обеспечения конкурентоспособности российских проектов СПГ, расположенных на периферии энергетической карты мира (вдали от основных центров потребления), не утратила своей актуальности.

Программа экспорта ктСПГ в Энергостратегии России

В силу вышеизложенного, российскому СПГ для удержания существующих позиций на мировом рынке и заявленного их расширения необходимо использовать все возможности для повышения своей конкурен-

тоспособности. В частности, за счет сведения к минимуму (в идеале – полному устранению) конфликтов, существующих внутри российской СПГ-отрасли, о которых не принято говорить вслух, но которые являются серьезными сдерживающими факторами эффективного ее развития. В частности, на примере Энергостратегии, автор видит задачу перехода от доминирования корпоративного подхода в определении приоритетов развития СПГ-отрасли (при наличии/сохранении межкорпоративных – явных и скрытых – конфликтов) к общегосударственному кластерному подходу, для чего предлагает критически оценить и скорректировать текущую, заявленную в Энергостратегии, программу наращивания экспортного потенциала крупнотоннажного СПГ (ктСПГ), построенную де-факто на арифметическом суммировании заявленных отдельными компаниями мощностей, каждая из которых "пробивает" под них индивидуальные льготы, используя свои административные возможности. Что приводит в некоторых случаях, которые будут рассмотрены ниже, к конфликту с общегосударственными интересами и к ущемлению последних.

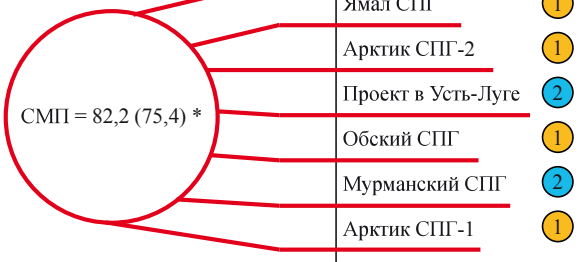
В Энергостратегии содержатся целевые показатели ее реализации, в том числе по объемам производства СПГ на 2030, 2036 и 2050 гг. (приложение 9) [1, с. 104], и перечень проектов ктСПГ "для достижения уровня производства 100 млн т к 2030 г." (приложение 6) [1, с. 88] (таблица).

Сразу возникает вопрос: почему представлена именно такая формулировка целевой установки по объему производства СПГ на 2030 г.? Напрашивается ответ: для обеспечения загрузки Северного морского пути (СМП). Но может ли быть задача обеспечения транспортной работы какого-либо транспортного маршрута целеполаганием для определения масштабов освоения невозобновляемых энергоресурсов? По мнению автора, логика должна быть обратной.

Семь представленных в Энергостратегии проектов ктСПГ должны обеспечить производство 105 млн т СПГ в 2030 г. (98 млн т/год с учетом скорректированной мощности Мурманского завода СПГ с 20,4 на 13,6 млн т/год [5–7]), из которых 5 проектов, завязанных на вывоз СПГ по Северному морскому пути (кроме проектов на Сахалине и в Усть-Луге), обеспечат загрузку СМП на 82 млн т/год (на 75 млн т/год с учетом скорректированной мощности завода СПГ в Мурманске). Исходя из целевого показателя прогнозируемого объема грузопотока по СМП в 150–216 млн т в 2030 г. и 220–238 млн т в 2035 г. (первые цифры – в соответствии с утвержденными целевыми показателями стратегической инициативы "Круглогодичный Севморпуть", вторые – в соответствии с планом развития Северного морского пути на период до 2035 года) [8], это означает, что СПГ должен был по планам 2022 г. обеспечить половину этого грузопотока.

Однако, принимая во внимание, что в 2024 г. объем грузоперевозок по СМП должен был составить сначала 80 млн т/год (в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г."),

Перечень крупнотоннажных проектов по производству сжиженного природного газа для достижения уровня производства 100 млн т к 2030 г.



Проект		Статус	Мощность, млн т
Сахалин-2	3	Действующий	9,6
Ямал СПГ	1	Действующий	17,4
Арктик СПГ-2	1	Действующий/строящийся	19,8
Проект в Усть-Луге	2	Строящийся	13,2
Обский СПГ	1	Планируемый	4,8 => 13,6**
Мурманский СПГ	2	Планируемый	20,4
Арктик СПГ-1	1	Планируемый	19,8 => 98,2***
		Итого:	**105**

Показатели	2023 г.	2030 г.	2036 г.	2050 г.
Объем производства сжиженного природного газа, млн т	33	90–105	110–130	110–175

Источник: Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р), с. 88, 104

Примечания:

*означает сохранение двух действующих технологических линий (ТЛ) завода СПГ в проекте и отказ от ввода третьей ТЛ, под которую изначально зарезервирована площадка в периметре действующего завода СПГ в Пригородном.

**"Мурманский СПГ сможет отгружать 13,6 млн т СПГ в год, а не 20,4 млн т, как планировалось изначально [5–7].

***С учетом скорректированной мощности Мурманского СПГ.

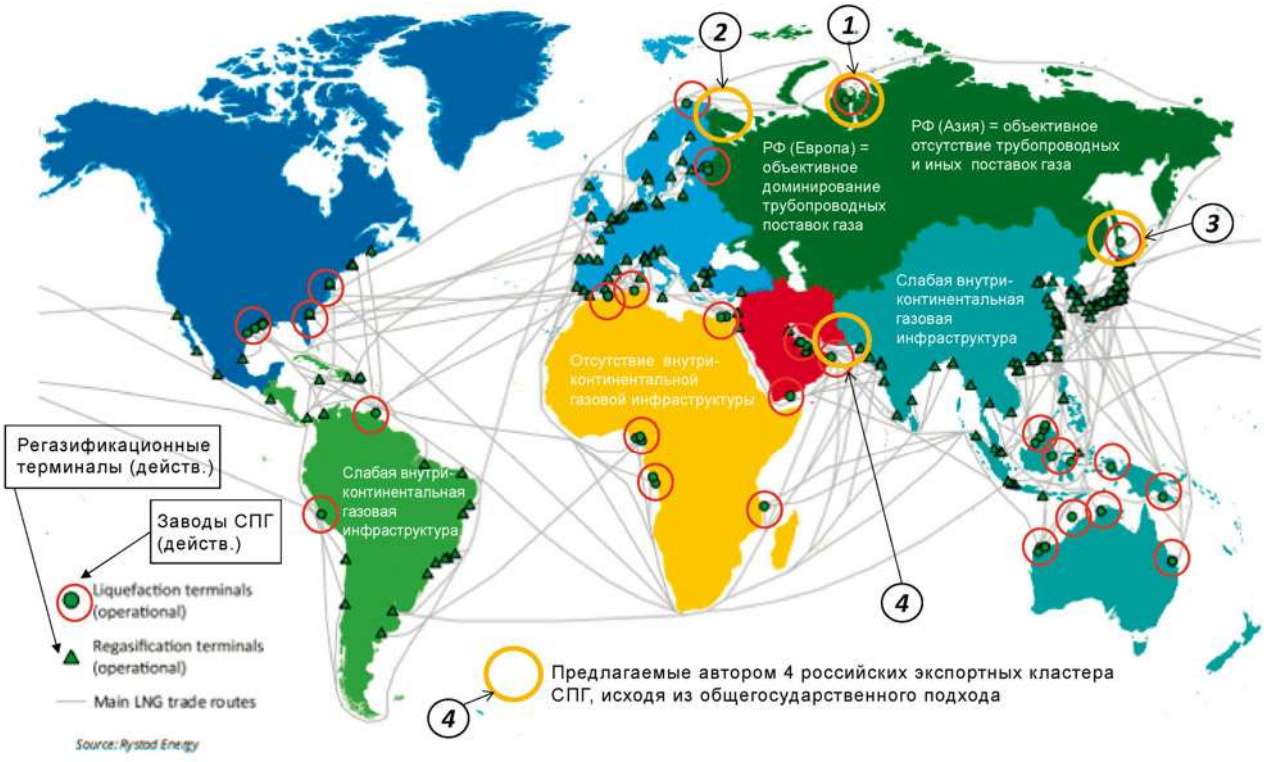
затем 90 млн т/год (в соответствии с планом правительства 2022 г. по развитию СМП на период до 2035 г.) [8], но по факту, по заявлению первого заместителя министра по развитию Дальнего Востока и Арктики Гаджимагомеда Гусейнова, "объем грузоперевозок по СМП по итогам 2024 года составил рекордные 37,3 млн т" [9], т. е. в 2–2,5 раза меньше, можно с уверенностью предположить, что целевые показатели грузопотока по СМП на 2030–2035 гг. достигнуты не будут. Поэтому на долю проектов СПГ придется существенно большая доля грузопотока по СМП – СПГ станет, по сути, главным "донором" этого грузопотока. И любые возможности устранения препятствий на пути реализации проектов СПГ и/ или ускорения их эффективной реализации должны быть рассмотрены и проанализированы.

В Энергостратегии заявлена "значительная потребность… в сохранении конкурентоспособности в формировании мировой кривой предложения" [1, с. 22]. Написано, что "для прогнозных оценок возможностей реализации экспортного потенциала… приоритетным выбран целевой сценарий" (один из пяти, заложенных в Стратегию – А.К.), который, в свою очередь, "учитывает реализацию мероприятий для… эффективной реализации экспортного потенциала, достижения… технологического суверенитета и конкурентоспособности отраслей ТЭК" [1, с. 19]. Попробуем добавить в перечень таких мероприятий устранение корпоративных конфликтов на примере двух из четырех, предлагаемых автором, экспортных кластеров ктСПГ (рисунок) как предлагаемую реконфигурацию сегодняшних (вошедших и не вошедших в Энергостратегию) проектов ктСПГ: Мурманского (на основе проектов ктСПГ на северо-западе страны) и Сахалинского (на основе проектов освоения сахалинского шельфа), в которых эти конфликты, по мнению автора, налицо.

Два других кластера ктСПГ из четырех в этой работе рассматриваться не будут. Один из них – это Ямальский кластер на основе проектов НОВАТЭКа, в котором, по мнению автора, был налицо конфликт интересов по линии "Принципал–Агент". Так, проект Ямал СПГ НОВАТЭКа получил беспрецедентные налоговые льготы. Но восходящие мультипликативные эффекты от локализации производства оборудования для проекта (которые могли/должны были бы компенсировать "налоговые потери" или, в терминологии Минфина, "выпадающие доходы бюджета", по линии нефтегазовой отрасли) были выведены за пределы страны в силу отсутствия в России технологий производства ктСПГ.

Потенциальный российско-иранский СПГ кластер

Другой кластер – это отсутствующий в Энергостратегии, но предлагаемый автором к рассмотрению, анализу и технико-экономической (а в нынешних услови-



Источник: IGU 2024 World LNG Report // IGU, 26.06.2024, p. 77 (https://www.igu.org/resources/2024-world-lng-report/)

География мирового рынка газа: региональные рынки сетевого газа связаны воедино торговыми маршрутами СПГ => создан высококонкурентный рынок ктСПГ

ях – и военно-политической) оценке совместный российско-иранский проект ктСПГ на юге Ирана, на берегу Оманского залива, за выходом из Ормузского пролива в Индийский (а значит и с беспрепятственным выходом в Мировой) океан. Его местоположение "в центре энергетического мира" с равнодоступностью к рынкам Атлантического бассейна и Азиатско-Тихоокеанского региона, не говоря уже о рынках Индийского океана, создавало бы ему огромные конкурентные преимущества по транспортной логистике без ограничений по дедвейту танкеров-метановозов.

Появление такого крупного совместного центра производства ктСПГ на ресурсной базе гигантского месторождения Южный Парс и месторождений-сателлитов дало бы не только сходный катарскому проекту СПГ "эффект масштаба", но и исключило бы риски, связанные с прохождением узкого "бутылочного горлышка" Ормузского пролива с его интенсивным трафиком. Понятно, что после начатой 28.02.2026 войны США и Израиля против Ирана в Персидском заливе и перекрытия Ормузского пролива этот проект в краткосрочной перспективе утратил свою сиюминутную практическую актуальность, но получил дополнительную стратегическую долгосрочную значимость в силу предлагаемого его размещения за Ормузом.

Автор полагает целесообразным рассмотреть возможность расположения будущего СПГ-кластера в зоне вблизи конечного пункта международного транспортного коридора (МТК) "Север–Юг", который на юге, похоже, перемещается из иранского Бандер-Аббаса (расположен в узком горле Ормузского пролива) в пакистанский порт Гвадар (расположен на побережье Индийского океана перед входом в Оманский залив, вблизи ирано-пакистанской границы). Где-то там, в районе до границы с Пакистаном, уже на берегу Оманского залива, вне зоны интенсивного судового трафика, нацеленного на прохождения Ормузского пролива, может быть создан мощный логистический многосторонний межотраслевой кластер, включая ктСПГ (по типу Ротердамского нефтегазового узла). На межправительственном уровне между Россией и Пакистаном уже обсуждается возможность продления МТК "Север–Юг" до Гвадара [10], который, в свою очередь, является конечным сухопутным пунктом на флагманском маршруте "Китай–Пакистан" китайского проекта "Один пояс – один путь" (ОПОП) и одним из ключевых портов в рамках ОПОП [11–12]. СМИ цитируют заявления специального помощника Премьер-министра Пакистана Талха Бурки и министра энергетики страны Авайса Ахмед Хана Легари, что их страна заинтересована присоединиться к МТК "Север–Юг", что они приветствует предложение российского вице-премьера Алексея Оверчука соединить этот коридор с портом Гвадар [12–13]. Оверчук, курирующий в Правительстве России вопросы евразийской интеграции, подтвердил, что переговоры между Москвой и Исламабадом уже ведутся [12].

Эта инициатива может придать синергетический эффект развитию двух сухопутных МТК, инициированных Россией и Китаем ("Север–Юг" и ОПОП), соединив их в морском порту Пакистана, который уже находится под управлением китайской компании *China Overseas Ports Holding Company* [12], но его мощности используются пока лишь на 30 % [14]. Правительство Пакистана объявило о комплексе стимулирующих мер для повышения привлекательности портового комплекса для грузоотправителей (существенное снижение разных категорий тарифов и портовых сборов, увеличение сроков бесплатного хранения контейнеров на площадке порта и т. п.) [14]. Это создает дополнительные стимулы для продления коридора "Север–Юг" до Гвадара. Одним из потенциальных элементов этого синергетического эффекта может быть заинтересованность и вовлечение китайской стороны в предлагаемый автором российско-иранский проект ктСПГ, который таким образом может стать трех-, а то и четырехсторонним.

Следует смотреть вдолгую: 17.01.2025 в Москве президент России Владимир Путин и президент Ирана Масуд Пезешкиан подписали "Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Россией и Ираном" [15] (вступил в силу 02.10.2025). Цель договора – расширение экономического сотрудничества, смягчение последствий санкций США и укрепление военного и политического партнёрства. Соглашение призвано регулировать отношения между странами на ближайшие 20 лет и охватывать различные сферы, включая оборону, борьбу с терроризмом, энергетику, финансы и культуру.

У России и Ирана много общего в газовой сфере: две наши страны располагают крупнейшими в мире газовыми ресурсами и заинтересованы в максимально эффективной их монетизации. Россия и Иран находятся под западными санкциями (в том числе технологическими и финансовыми) и являются лидерами в списке подсанкционных государств: по состоянию на 15.08.2025 г. количество индивидуальных и секторальных санкций достигло 26655 для России и 6027 для Ирана (у находящейся на третьем месте Сирии "всего" 2893 санкций) [16].

У Ирана нет действующих мощностей СПГ, хотя планы их создания имелись и имеются. Так, в краткий межсанкционный период Иран совместно с западными компаниями анонсировал 5 проектов СПГ-заводов общей мощностью 67 млн т/год, но реализовать ни один из них пока не удалось, а после вновь введенных санкций партнеры ушли. Иран пытается самостоятельно завершить один из этих проектов – Iran LNG (2 линии сжижения по технологии Linde общей мощностью 10,8 млн т/год). На той же площадке Иран строит на базе собственных решений среднетоннажный СПГ-завод мощностью 1,5 млн т/год. Начало среднетоннажного производства СПГ ожидается в 2026 г., крупнотоннажного – неясно. Имеется ли российский вклад в этот

проект, неизвестно [17]. В феврале 2025 г. на о-ве Киш началось строительство первого в Иране мини-завода по производству СПГ (проект Kish Mini LNG) с участием иранских компаний и оборудованием, поставленным отечественными наукоёмкими фирмами (завод будет сжижать природный газ, получаемый в результате сбора факельного газа) [18]. Как повлияла на эти планы/проекты война в Заливе – неизвестно.

Объединение научно-технических потенциалов двух стран, "скованных одной цепью, связанных одной целью", безусловно, может дать эффект мультипликатора в совместном технологическом прорыве по эффективному овладению технологией производства ктСПГ и строительства танкеров-метановозов (стандартного, неледового класса). А фактическая дискредитация западными странами и де-факто полный их отказ от норм международного права (после сначала заморозки, а затем переходу к еще более противоправному одностороннему использованию ими этих замороженных российских ЗВР) делает, по мнению автора, допустимым и обоснованным использование любых располагаемых средств доступа к существующим и перспективным технологиям в сфере ктСПГ, да и не только в этой сфере. По аналогии с тем, как Китай, а в свое время и СССР, наращивали свой научно-технический потенциал по модели "заимствование с усовершенствованием" (в Китае это называлось шэньчжэн).

Но сначала несколько слов о политэкономии ресурсных отраслей в связи с СПГ-отраслью.

Политэкономия ресурсных отраслей и "Энергостратегия-2050" в сфере экспорта СПГ

Политэкономия ресурсных отраслей определяется взаимоотношениями "Принципала" (суверенного государства-собственника ресурсов недр) и "Агента" (инвестора-недропользователя) и опирается на перманентный суверенитет государств на свои природные ресурсы, закрепленный Резолюцией № 1803 Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1962 (документ "мягкого" права) и впоследствии неоднократно подтвержденный уже документами "жесткого" права (например, статьей 18 Договора к Энергетической хартии 17.12.1994). Теория "Принципал–Агент" исходит из наличия у Агента (добывающей компании) знаний о ресурсах и технологиях, готовности и умения применять их, распределять инвестиционные риски (коммерческие риски разработки залежей и некоммерческие риски взаимоотношений с принимающим государством-собственником ресурсов недр), сбытовые и ценовые риски, а также полученную выгоду, т. е. рентный доход [19]. Цель недропользования – максимальная долгосрочная монетизация принадлежащих суверенному государству (Принципалу) ресурсов недр, передаваемых во временное (срочное и возмездное) пользование инвестору (Агенту) для реализации этой задачи.

Задачу целеполагания для инвестора-недропользователя (Агента) должен поставить суверенный собственник ресурсов недр (Принципал). Он должен обеспечить Агенту необходимые для реализации такой задачи экономико-правовые условия, в частности, предсказуемость, а значит стабильность экономико-правовой среды на весь срок реализации инвестиционного проекта недропользования, как минимум в рамках самого проекта (последнее достигается применением так называемых "стабилизационных оговорок").

Однако сегодня российское государство (Принципал) отдало задачу целеполагания при пользовании недрами крупным инвесторам-недропользователям (Агентам), которые руководствуются своими корпоративными интересами (максимальная монетизация своей части ресурсной ренты от реализации недропользовательского проекта), вступая при этом зачастую в два типа конфликтов:

(а) с государством как с собственником ресурсов недр (конфликт "Агент–Принципал");

(б) в корпоративный конфликт с другими недропользователями (конфликты "Агент–Агент").

При этом два ключевых Агента с пересекающимися бизнес-интересами на российском нефтегазовом рынке – это две "государственные компании", которые пытаются совмещать, каждая в своем лице, функции и Принципала, и Агента.

Энергостратегия-2050 в сфере экспорта СПГ, на взгляд автора:

– представляет семь корпоративных экспортно-ориентированных проектов ктСПГ с конфликтами по линии и "Агент–Принципал" (в первую очередь, по вопросу распределения ресурсной ренты и где должны быть размещены восходящие и нисходящие мультипликативные эффекты от реализуемых проектов ктСПГ), и "Агент–Агент" (конкуренция между отдельными проектами на ресурсной базе Принципала вместо возможной/необходимой кооперации для повышения эффективности освоения принадлежащих Принципалу и переданных в пользование Агентам ресурсов недр),

– не имеет единой государственной позиции целеполагания в сфере экспорта СПГ – кроме, похоже, задачи наращивания производства ктСПГ, чтобы обеспечить максимальную загрузку СМП, т. е. предлагает логику освоения невозобновляемых природных ресурсов в интересах максимизации транспортной работы в рамках вывозного логистического коридора.

Автор предлагает к рассмотрению альтернативный вариант – формирование четырех, отвечающих интересам государства экспортно-ориентированных кластеров ктСПГ внутри и/или вне РФ: (1) Ямальский, (2) Мурманский, (3) Сахалинский, (4) совместный Ирано-Российский (рисунок).

В рамках этих четырех кластеров существуют ключевые нерешенные технологические проблемы разного уровня значимости. Так, отсутствие достаточного парка судов-метановозов ледового класса Arc-7 является, в первую очередь, проблемой для ямальских проек-

тов НОВАТЭКа. А, например, отсутствие отработанных отечественных технологий производства ктСПГ и отсутствие кооперации между корпорациями-разработчиками "своих" отечественных технологий является общей проблемой российской СПГ-отрасли. Так, по данным справочника "Карта российской СПГ-отрасли 2025" (лучшего, на взгляд автора, и всеобъемлющего материала о состоянии российской СПГ-отрасли, ежегодно подготавливаемого командой под руководством Александра Климентьева), в стране разрабатывается шесть различных корпоративных технологических решений производства ктСПГ (четыре у НОВАТЭКа, по одному у Газпрома и Роснефти) [20]. Основное препятствие для решения технологических проблем российской отрасли СПГ, на взгляд автора, о чем он постоянно говорит и пишет, – это политика ЦБ (ключевая ставка) и Минфина (налоговая система), которые убивают инновации [21–22].

Во второй части статьи будет представлена предлагаемая автором экономико-правовая реконфигурация в интересах государства, позволяющая, в том числе, решить проблему конфликта корпоративных амбиций в рамках Мурманского и Сахалинского кластеров СПГ.

(Конец первой части статьи)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апр. 2025 г. № 908-р. – С. 10–18. – URL: http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYlA60.pdf

2. El Dahan M., Mills A., Saba Y. Iran attacks wipe out 17% of Qatar's LNG capacity for up to five years, QatarEnergy CEO says // Reuters – 2026. – 19 March. – URL: https://www.reuters.com/business/energy/iran-attack-damage-wipes-out-17-qatars-lng-capacity-three-five-years-qatarenergy-2026-03-19/

3. Years of repairs loom over Middle East oil and gas facilities after only weeks of hostilities // Energy Institute/New Energy World – 2026. – 01 April. – URL: https://knowledge.energyinst.org/new-energy-world/article?id=140198

4. Конопляник А.А. Оверкиль на мировом рынке СПГ // Ведомости. – 2026. – 07 апр. – С. 12. – URL: https://www.konoplyanik.ru/ru/publications/781.%20Оверкиль%20на%20мировом%20рынке%20СПГ.%20"Ведомости",%2007.04.2026%20paper.pdf

5. Проектная мощность "Мурманского СПГ" снижена на треть // РБК. – 2024. – 30 июля. – URL: https://murmansk.rbc.ru/murmansk/30/07/2024/66a8fe1d9a79470267346d36

6. "НОВАТЭК" сократил окончание строительства терминала "Мурманский СПГ" на три года // Интерфакс. – 2025. – 20 янв. – URL: https://www.interfax.ru/business/1003697

7. НОВАТЭКу одобрили проект строительства газового терминала под Мурманском // РБК. – 2025. – 31 окт. – URL: https://murmansk.rbc.ru/murmansk/31/10/2025/6904c7989a7947ee42040d53

8. План развития Северного морского пути на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 1 авг. 2022 г. № 2115-р. – 57 с. – URL: http://government.ru/docs/46171/

9. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в ДВФО. Пресс-центр. По Севморпути по итогам года перевезли рекордные 37,3 млн тонн грузов. – 2024. – 29 дек. – URL: http://www.dfo.gov.ru/press/news_DV/7574/

10. Korybko A. The Pros & Cons of Russia Utilizing CPEC's Terminal Port of Gwadar // Andrew Korybko's Newsletter. – 2026. – 26 June. – URL: https://korybko.substack.com/p/the-pros-and-cons-of-russia-utilizing

11. Конопляник А.А. Новая ловушка для России (часть 3) // Нефтегазовая вертикаль. – 2024. – № 10. – С. 34–44.

12. Пакистан нацелен на масштабный рост евразийской торговли за счет соединения порта Гвадар с коридором МТК "Север–Юг" // News Central Asia. – 2026. – 22 June. – URL: https://www.newscentralasia.net/2026/06/22/pakistan-natselen-na-masshtabnyy-rost-yevraziyskoy-torgovli-za-schet-soyedineniya-porta-gvadar-s-koridorom-mtk-sever-yug/

13. Pakistan, Russia agree to sign Economic Cooperation Programme extending through 2030: Awais Leghari // The Express Tribune. – 2026. – June 09. – URL: https://tribune.com.pk/story/2612228/pakistan-russia-agree-to-sign-economic-cooperation-programme-extending-through-2030-awais-leghari

14. Bhutta Z. Gwadar shipping activity picks up momentum // The Express Tribune. – 2026. – June 02. – URL: https://tribune.com.pk/story/2610989/gwadar-shipping-activity-picks-up-momentum

15. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран: подписан 17.01.2025, вступил в силу 02.10.2025. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6258

16. Russia Sanctions Dashboard. – URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard

17. Россия и Иран прорабатывают варианты газовых поставок. Что это означает для стран Центральной и Южной Азии? // НЕФТЕГАЗ.РУ. – 2025. – 31 марта. – URL: https://neftegaz.ru/analisis/transportation/884797-rossiya-i-iran-prorabatyvayut-varianty-gazovykh-postavok-chto-eto-oznachaet-dlya-stran-tsentralnoy-i/

18. На острове Киш начинается строительство первого в Иране мини-завода по производству СПГ // IRAN.RU. – 2025. – 06 февр. – URL: https://www.iran.ru/news/economics/127428/Na_ostrove_Kish_nachinaetsya_stroitelstvo_pervogo_v_Irane_mini_zavoda_po_proizvodstvu_SPG

19. Цена энергии. Международные механизмы формирования цен на нефть и газ. – Брюссель: Секретариат Энергетической хартии, 2007. – С. 43–56.

20. Карта российской СПГ отрасли 2025: Справочные материалы / подгот. под рук. А. Климентьева. – 116 с. – URL: https://ак-лаб.рф/lngmap

21. Конопляник А.А. Налоги и ключевая ставка тормозят инновации? // Нефтегазовая вертикаль. – 2025. – Спецвыпуск. – С. 38–52.

22. Конопляник А.А. Спасение экономического роста // Ведомости. – 2026. – 18 июня. – URL: https://konoplyanik.ru/ru/publications/260618-Спасение_экономического_роста_-_Ведомости.pdf

REFERENCES

1. Energeticheskaya strategiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2050 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 12 apr. 2025 g. № 908-p. – S. 10–18. – URL:

http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10u-BrrBoyLQqAAOj5eJYlA60.pdf
2. El Dahan M., Mills A., Saba Y. Iran attacks wipe out 17% of Qatar's LNG capacity for up to five years, QatarEnergy CEO says // Reuters – 2026. – 19 March. – URL: https://www.reuters.com/business/energy/iran-attack-damage-wipes-out-17-qatars-lng-capacity-three-five-years-qatarenergy-2026-03-19/
3. Years of repairs loom over Middle East oil and gas facilities after only weeks of hostilities // Energy Institute/New Energy World – 2026. – 01 April. – URL: https://knowledge.energyinst.org/new-energy-world/article?id=140198
4. Konoplyanik A.A. Overkil' na mirovom rynke SPG // Vedomosti. – 2026. – 07 apr. – S. 12. – URL: https://www.konoplyanik.ru/ru/publications/781.%20Оверкиль%20на%20мировом%20рынке%20СПГ.%20«Ведомости»,%2007.04.2026%20paper.pdf
5. Proektnaya moshchnost' "Murmanskogo SPG" snizhena na tret' // RBK. – 2024. – 30 iyulya. – URL: https://murmansk.rbc.ru/murmansk/30/07/2024/66a8fe1d9a79470267346d36
6. "NOVATEK" sokratil okonchanie stroitel'stva terminala "Murmanskiy SPG" na tri goda // Interfaks. – 2025. – 5 yanv. – URL: https://www.interfax.ru/business/1003697
7. NOVATEKu odobrili proekt stroitel'stva gazovogo terminala pod Murmanskom // RBK. – 2025. – 31 okt. – URL: https://murmansk.rbc.ru/murmansk/31/10/2025/6904c7989a7947ee42040d53
8. Plan razvitiya Severnogo morskogo puti na period do 2035 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 1 avg. 2022 g. № 2115-p. – 57 s. – URL: http://government.ru/docs/46171/
9. Ofitsial'nyy sayt polnomochnogo predstavitelya Prezidenta RF v DVFO. Press-tsentr. Po Sevmorputi po itogam goda perevezli rekordnye 37,3 mln tonn gruzov. – 2024. – 29 dec. – URL: http://www.dfo.gov.ru/press/news_DV/7574/
10. Korybko A. The Pros & Cons of Russia Utilizing CPEC's Terminal Port of Gwadar // Andrew Korybko's Newsletter. – 2026. – 26 June. – URL: https://korybko.substack.com/p/the-pros-and-cons-of-russia-utilizing
11. Konoplyanik A.A. Novaya lovushka dlya Rossii (chast' 3) // Neftegazovaya vertikal'. – 2024. – № 10. – S. 34–44.
12. Pakistan natselen na masshtabnyy rost evraziyskoy torgovli za schet soedineniya porta Gvadar s koridorom MTK "Sever–Yug" // News Central Asia. – 2026. – 22 June. – URL: https://www.newscentralasia.net/2026/06/22/pakistan-natselen-na-masshtabnyy-rost-yevraziyskoy-torgovli-za-schet-soyedineniya-porta-gvadar-s-koridorom-mtk-sever-yug/
13. Pakistan, Russia agree to sign Economic Cooperation Programme extending through 2030: Awais Leghari // The Express Tribune. – 2026. – June 09. – URL: https://tribune.com.pk/story/2612228/pakistan-russia-agree-to-sign-economic-cooperation-programme-extending-through-2030-awais-leghari
14. Bhutta Z. Gwadar shipping activity picks up momentum // The Express Tribune. – 2026. – June 02. – URL: https://tribune.com.pk/story/2610989/gwadar-shipping-activity-picks-up-momentum
15. Dogovor o vseob"emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Islamskoy Respublikoy Iran: podpisan 17.01.2025, vstupil v silu 02.10.2025. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6258
16. Russia Sanctions Dashboard. – URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard
17. Rossiya i Iran prorabatyvayut varianty gazovykh postavok. Chto eto oznachaet dlya stran Tsentral'noy i Yuzhnoy Azii? // NEFTEGAZ.RU. – 2025. – 31 marta. – URL: https://neftegaz.ru/analisis/transportation/884797-rossiya-i-iran-prorabatyvayut-varianty-gazovykh-postavok-chto-eto-oznachaet-dlya-stran-tsentralnoy-i/
18. Na ostrove Kish nachinaetsya stroitel'stvo pervogo v Irane mini-zavoda po proizvodstvu SPG // IRAN.RU. – 2025. – 06 Fevr. – URL: https://www.iran.ru/news/economics/127428/Na_ostrove_Kish_nachinaetsya_stroitelstvo_pervogo_v_Irane_mini_zavoda_po_proizvodstvu_SPG
19. Tsena energii. Mezhdunarodnye mekhanizmy formirovaniya tsen na neft' i gaz. – Bryussel': Sekretariat Energeticheskoy khartii, 2007. – S. 43–56.
20. Karta rossiyskoy SPG otrasli 2025: Spravochnye materialy / podgot. pod ruk. A. Kliment'eva. – 116 s. – URL: https://ак-лаб.рф/lngmap
21. Konoplyanik A.A. Nalogi i klyuchevaya stavka tormozyat innovatsii? // Neftegazovaya vertikal'. – 2025. – Spetsvypusk. – S. 38–52.
22. Konoplyanik A.A. Spasenie ekonomicheskogo rosta // Vedomosti. – 2026. – 18 iyunya. – URL: https://konoplyanik.ru/ru/publications/260618-Спасение_экономического_роста_-_Ведомости.pdf

Информация об авторе

Андрей Александрович Конопляник, д-р экон. наук, профессор, член Научного совета по системным исследованиям в энергетике РАН/ИНЭИ РАН

Information about the author

Andrey A. Konoplyanik, DSc (economics), Professor, Member of Scientific Council for System Research in Energy, Russian Academy of Sciences/ERI RAS

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 12.07.2026; принята к публикации 25.08.2026.